

Размышления аль-Фараби о счастье тесно связаны с его толкованием проблемы долга и с его пониманием бессмертия» Добродетельный человек не стремится к смерти, напротив, продлевая жизнь, он оказывается способным совершить больше добродетельных поступков, полезных его согражданам и делающих его счастливым. На смерть человек должен идти только тогда, когда своей смертью (скажем, защищая от врагов родной город) он принесет жителям города большую пользу».

Аль-Фараби отрицал учение о воскресении человека после смерти, считал «химерой» учение Корана об аде, рае и загробной жизни. Счастье достижимо в земной жизни. Правда, «абсолютное добро», как и совершенное счастье, наступает тогда, «когда устранено всякое зло и человеческая душа и разум сливаются с мировым деятельным разумом... являющимся вечным... Души, достигшие счастья... соединяются друг с другом, что ведет к возрастанию добродетельных качеств, которые служат для последующих поколений. И каждое поколение оставляет после себя нечто такое (в форме достигшей счастья души), что сливается в общее счастье, пополняя его и облегчая жизнь потомков»¹.

В конечном выводе о счастье аль-Фараби отдает дань мистицизму. Однако можно согласиться с М. М. Хайрулаевым, который полагает, что освобожденное от мистической оболочки и переведенное на философский язык рассуждение аль-Фараби о счастье подразумевает «достижение при помощи разума и науки такого уровня духовной культуры, которая после смерти отдельного человека или целого поколения могла бы служить человечеству»².

Земной, «посюсторонний», характер социально-этической концепции аль-Фараби сквозь ее мистическую форму разглядел уже Ибн Туфейль: «Что же касается дошедших до нас писаний Абу Насра, то... в „Комментарии к Этике“ он дал некоторые описания человеческого счастья, и вот оказывается — оно только в этой жизни, в этой обители; далее вслед за этим прибавляет он еще несколько

¹ Там же. С. 248.

² Там же.